

семнадцать мальчишеских лет

Тот летний день был самым обычным — теплым, ясным. Николай Яковлевич Гришин, а тогда еще попросту Колька, пятнадцатилетний мальчишка, вместе со своими сверстниками был в поле. Как раз сенокос начался, работы всем хватало. И вдруг принесли из села страшную весть — началась война. Николай Яковлевич хорошо помнит, как провожали парней и мужиков на войну. В сентябре ушел на фронт и его отец.

Враз оборвалось и кончилось детство. Теперь старший сын — главный помощник и опора матери. Он хорошо понимал это и изо всех сил старался

работать как можно лучше. В их доме, как и в каждом доме Бугровки, с трепетом ждали вестей с фронта. А они, к сожалению, в первый год войны были неутешительными.

Как только отвели Октябрьскую, большую часть молодежи села послали на рытье окопов. Им достался участок за Тетюшами. Работали с темна и до темна. Противотанковые рвы шириной четыре метра и глубиной по два. А морозы в ту первую военную зиму стояли крепкие, землю быстро сковало. И ломы, и кирки, и лопаты, и кувалды — все шло в ход. Жили в деревне. Сердобольные женщины жалели

мальчишек и девчонков, топили печки, чтобы могли они обогреться и просушить одежду и обувь, варили для них нехитрую еду. Продукты в основном возили из дома, вдобавок небольшой паек получали за работу. Так и перебивались.

Не думал и не гадал тогда Николай Яковлевич, что еще очень много придется перекопать ему земли. 17 декабря 1942 года исполнилось ему семнадцать лет, а уже 7 января 1943 года призывали его в армию. С тяжелой душой уезжал из дома: пришла похоронка на отца, а тут и он уходил, считая, главный работник в семье.

Молоденьких новобранцев, видимо, принимали с тем расчетом, что, пока учатся военному делу, исполнится им восемнадцать лет, тогда и на фронт уже можно будет отправлять. На шестимесячных курсах обучался Николай премудростям стрелка, военной тактике. Нелегко приходилось им, простым деревенским мальчишкам. Домашние припасы быстро кончались, а паек курсантов был очень скудным. Они по сути голодали. Они сильно страдали от холодов, потому что корпус почти не отапливались. А нагрузки были по всем требованиям. Надо сказать, что Николай Яковлевич попал в лагерь

Сурки в тот период, когда там творилось что-то непонятное. Так и не побывав на фронте, многие новобранцы от постоянного недоедания, невыносимых условий жизни заболели, умирали. Сегодня-то прямо говорят, что это было самое настоящее вредительство. А в те годы молчали, терпели, лишь бы до фронта дотянуть. Но все-таки слухи о творимых в Сурках безобразиях дошли куда следует, и порядок там навели.

Летом 1943 года, после окончания курсов, Николай Гришин был направлен на 1 Белорусский фронт. Воевал в составе автотранспортного взвода. А ведь ему тогда еще не исполнилось и восемнадцати лет.

—Скидок нам никаких не было, — вспоминает Николай Яковле-

вич, — раз ты солдат — значит должен воевать как следует...

Людам, прошедшим через огонь и ужасы войны, всегда тяжело вспоминать о ней. Вот и Николай Яковлевич не может сдержать слез. Говорят, что на войне ко всему привыкают, но невозможно привыкнуть к смерти. Тяжело, когда человек, который еще недавно шутил, смеялся, с которым ты делил последний сухарь, вдруг убит. Бои шли на территории Белоруссии. Лето пролетело быстро, пришли холода, слякоть. Доставалось солдатам. Перед Октябрьскими праздниками часть, в которой служил Николай Яковлевич, попала в окружение. Прорывались с боем. В этом (Оконч. на 5 стр.)

В семнадцать мальчишеских лет

(Оконч. Нач. на 2 стр.)

бою он и был контужен. А когда очнулся, то увидел перед собой немецких солдат.

Плен... это слово вошло в его жизнь на полтора года. И свое восемнадцатилетие Николай встретил в плену. Его не отправили в концентрационный лагерь. Они, группа пленных, порядка ста человек, передвигались вместе с фронтом. Их заставляли рыть окопы, валить лес, мостить дороги. Жили как придется — в Белоруссии в каменных сараях, бывало, что и землянки рыли. Охраняли их немцы, австрийцы, поляки.

—Поляки к нам мягче относились, — рассказывает Николай Яковлевич, — а вот немцы лютовали. Чуть что не так — прикладом в спину...

Была при пленных и походная кухня. Где поварил грузин, тоже пленный. Похлебка из свеклы, брюквы, иногда хлеба давали не пойми какого. Понятно, что от такой еды да непосильной работы слабели люди. Если по дороге на работу кто-то терял силы, не мог идти, поддерживали, потому что знали: если упадет — пристрелят.

Бывало, что, доведенные до отчаяния, убегали, но ни один побег не увенчался успехом. Если охранники пристрелят, так собаки разорвут. Пленные уже знали: если среди ночи подьем, начинается перекличка, значит кто-то убежал.

С места на место

расспросы, проверки, направление для продолжения дальнейшей службы в армии. До 1948 года служил Николай Яковлевич в Восточной Пруссии. На сей раз в хоззвезде, доставлял из подсобного хозяйства продукты для полка на паре лошадей.

Когда закончилась война, было Николаю Гришину всего девятнадцать лет, а за плечами — фронтовые дороги, полтора года плена. Как говорится, сполна досталось. К этому еще надо добавить то, как относились в послевоенные годы к побывавшим в плену. Впрочем, не только в послевоенные годы. Бывает, что и в наши дни кто-то скажет, что те, кто был в плену, те же враги народа, что они только о своей шкуре думали. Выходит, что они, прошедшие через огонь и смерть, попавшие в самую круговерть военных событий, еще и виноваты в случившемся с ними. Надо ли говорить, как тяжело переживать все это.

Однако Николай Яковлевич не сломался. Профессия у него была нужная — тракторист. Он еще в 1942 году закончил при Трехозерской МТС двадцатидневные курсы, до фронта удалось ему поработать. И потому, придя из армии, Николай Яковлевич сразу стал механизатором. В те послевоенные годы их, трактористов, в Бугровке было практически трое: Николай

Гришин, Александр и нынешним пенам такая, что едва концы с концами можно свести, да и ту стали давать с большими задержками. Поддерживает свое хозяйство. До сих пор Николай Яковлевич с супругой Марией Николаевной держат корову, кур, обихаживают огород. Дело это для них привычное, всю жизнь этим занимались. Четверых детей вырастили. И по сей день остаются людьми беспокойными, близко к сердцу воспринимают все, чем живет родное село.

Со смехом Мария Николаевна вспоминает, как их называли бугровскими грачами. А все от того, что там, где появлялись парни и девушки из Бугровки, там были песни, шутки, смех, веселье. Скирдовать едут на быках — песни поют, кладут класть — тоже с песнями, зерно сортировать — без песен не обходилось. Бывало, поедут куда на быках, а они, если встанут, с места не свернешь. Нарезутся девчонки, а потом сами над собой смеются и опять кто-нибудь песню запоет. Молодежи было много, клуб посередине села. Музыкальные инструменты — гитары, балалайка, а песен, танцев, плясок было хоть отбавляй.

—У меня отец председателем колхоза был, — говорит Мария Николаевна. — Так, бывало, придет вечером домой после наряда, поужинает и обязательно выберет

как придется — в Белоруссии в каменных сараях, бывало, что и землянки рыли. Охраняли их немцы, австрийцы, поляки.

—Поляки к нам мягче относились, — рассказывает Николай Яковлевич, — а вот немцы лютовали. Чуть что не так — прикладом в спину...

Тогда при пленных была походная кухня, где поварил грузин, тоже пленный. Похлебка из свеклы, брюквы, иногда хлеба давали не пойми какого. Понятно, что от такой еды да непосильной работы слабели люди. Если по дороге на работу кто-то терял силы, не мог идти, поддерживали, потому что знали: если упадет — пристрелят.

Бывало, что, доведенные до отчаяния, убегали, но ни один побег не увенчался успехом. Если охранники пристрелят, так собаки разорвут. Пленные уже знали: если среди ночи подьем, начинается перекличка, значит кто-то убежал.

С места на место передвигались в основном пешком. Шли через сожженные села, где ни одной живой души и ни одного целого дома, редко где печную трубу можно было увидеть. В основном следы пожара, да воронки от разрывов бомб. Когда немцы отступали, они тоже отступали вместе с ними. Двигались в сторону Кенигсберга. Здесь, под Кенигсбергом, в апреле 1945 года и со своими встретились. Охрана вся поразбежалась, и пленные решили двигаться в сторону города, а когда переходили pontонный мост, увидели красноармейцев. И радовались, и плакали. Здесь, у своих, их впервые за полтора года накормили. Загем был политотдел,

плен. Как говорится, сполна досталось. К этому еще надо добавить то, как относились в послевоенные годы к побывавшим в плену. Впрочем, не только в послевоенные годы. Бывает, что и в наши дни кто-то скажет, что те, кто был в плену, те же враги народа, что они только о своей шкуре думали. Выходит, что они, прошедшие через огонь и смерть, попавшие в самую круговерть военных событий, еще и виноваты в случившемся с ними. Надо ли говорить, как тяжело переживать все это.

Однако Николай Яковлевич не сломался. Профессия у него была нужная — тракторист. Он еще в 1942 году закончил при Трехозерской МТС двадцатидневные курсы, до фронта удалось ему поработать. И потому, придя из армии, Николай Яковлевич сразу стал механизатором. В те послевоенные годы их, трактористов, в Бугровке было практически трое: Николай Гришин, Александр Кириллин, Анатолий Петров. Последние двое уже покойники теперь.

—Работали мы так, что о сне и отдыхе забывали, — рассказывает Николай Яковлевич. — Земли у нас хорошие, черноземные, неплохие урожаи получали. Как выедешь, бывало, весной в поле, так и до снегу...

Орден «Знак Почета», почетные грамоты, знаки победителя соревнований, фотографии на районной Доске почета, в колхозе, конезаводе, звание «батыра» — всего, чем был отмечен трудовой путь тракториста Николая Яковлевича Гришина, не перечислить. Работал много, слава была, а живет скромно. Небольшой домик, пенсия по

кояными, близко к сердцу воспринимают все, чем живет родное село.

Со смехом Мария Николаевна вспоминает, как их называли бугровскими грачами. А все от того, что там, где появлялись парни и девушки из Бугровки, там были песни, шутки, смех, веселье. Скирдовать едут на быках — песни поют, кладут класть — тоже с песнями, зерно сортировать — без песен не обходилось. Бывало, поедут куда на быках, а они, если встанут, с места не свернешь. Нарезуется девчонки, а потом сами над собой смеются и опять кто-нибудь песню запоет. Молодежи было много, клуб посередине села. Музыкальные инструменты, нехитрые — гармошка, балалайка, а песен, танцев, плясок было хоть отбавляй.

—У меня отец председателем колхоза был, — говорит Мария Николаевна. — Так, бывало, придет вечером домой после наряда, поужинает и обязательно выберет время в клуб сходить. Хоть немного да потанцует. Трудно жили, было, что и голодно, но как-то душой люди лучше были, дружнее жили...

...Военные награды у Николая Яковлевича Гришина лежат отдельно. Это орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.», юбилейные медали. Но особенно ему дорога медаль Георгия Жукова. По достоинству оценен подвиг рядового солдата, шагнувшего в войну семнадцатилетним мальчишкой. Война ему до сих пор снится, а рассказывать о тех днях он и по сей день без слез не может.

Н. ТИМОФЕЕВА.